

*Абсайтар**Дербисали**член-корреспондент НАН РК,
доктор филологических наук, профессор*

МОИ МОСКОВСКИЕ НАСТАВНИКИ И КОЛЛЕГИ

Основанный в Санкт-Петербурге в начале XIX века, в 1818 году, по приказу российского императора Александра I, свидетель многих исторических событий: Октябрьской революции 1917 года и двух мировых войн (1914, 1941–1945), сталинских репрессий, развала Советского Союза, обретения независимости странами Азии и Африки – Институт востоковедения Российской академии наук, а ранее – Академии наук Советского Союза в октябре 2018 года торжественно отметил свой 200-летний юбилей. В качестве почетного гостя я принял участие в работе международной конференции, посвященной 200-летию со дня основания крупнейшего научного центра востоковедения.

Институт востоковедения АН СССР стал известным научным центром по исследованию истории, экономики, литературы, языков стран Востока. Из его стен вышли выдающиеся ученые и государственные деятели, в том числе министры и дипломаты, поэтому считаю вполне обоснованно институт, оставивший неизгладимый след в истории России и Советского Союза, одним из сакральных мест.

БОБОДЖАН ГАФУРОВИЧ ГАФУРОВ

В свое время директором института был Б. Г. Гафуров, занимавший ранее, в течение десяти лет – с 1946 по 1956 год, пост первого секретаря Таджикской ССР. Будучи руководителем института на протяжении двадцати одного года, он вывел востоковедную науку и образование на новый, более высокий уровень.

Б. Гафуров увеличил штат института, укрепив научный потенциал молодыми кадрами из МГУ имени М. В. Ломоносова и других вузов, всячески оказывая поддержку молодым ученым. Таким образом, количество сотрудников-востоковедов возросло со 185 до 338 человек. В начале 1958 года в штате было уже 450 сотрудников. В зависимости от тематики проводимых исследований ученые начали активно выезжать в восточные страны, активизировалось научное сотрудничество. В 1956 году открыли филиал института в Ленинграде. Б. Гафуров успешно вовлекал научных сотрудников в коллективную работу. На смену сталинскому режиму пришли свобода высказываний, свободолобие, творческая атмосфера. В 1957 году в Ташкенте при содействии Центрального комитета КПСС была организована и успешно проведена Первая Всесоюзная научная конференция востоковедов.

В 70–80-х годах прошлого столетия в Институте востоковедения «получили образование около 200 молодых востоковедов. Если их малую часть составляли выходцы из Азии и Африки, то большую – из Средней Азии, Казахстана и с Кавказа. После завершения своих научных исследований они возвращались на родину и способствовали формированию национальных востоковедных школ» [1; 73–74].

В институте я иногда видел родного брата Б. Гафурова – Алима Гафурова и его дочь – Нинель Бободжановну. Они проявили себя талантливыми учеными. Алим Гафуров исследовал этимологию мусульманских имен и написал книги «Лев и Кипарис» (1971), «Имя и История». Нинель Бободжановна наряду с защитой диссертации, посвященной жизни и творчеству средневекового индийского поэта-мистика Кабира (1440–1518), предводителя движения бхакти, классика литературы на языке хинди, создававшего стихи на языках хинди, панджаби, урду, написала работу «Кабир и его наследие» (М., 1976). Следует особо отметить тот факт, что и брат, и дочь Б. Гафурова, а также аспиранты и докторанты из Таджикистана держались скромно, что называется, тише воды, ниже травы, дорожа авторитетом академика Бободжана Гафурова.

Осенью 1969 года я приехал на стажировку, затем поступил в аспирантуру института. Волею Аллаха, мне посчастливилось познакомиться со знаменитым государственным деятелем, известным ученым, академиком Б. Г. Гафуровым и быть удостоенным его благодарений. Он с уважением относился к Казахстану и казахскому народу. Вскоре я узнал, что он общался с главой нашей республики Д. А. Кунаевым (1912–1993) и председателем Совета министров Казахской ССР Ж. А. Ташеновым (1915–1986), который лишился высокой должности за выражение несогласия в вопросе отвода территории казахской земли России.

На старших курсах учился мой соотечественник Утеген Кумисбаев, впоследствии ставший известным поэтом и ученым-литературоведом. В одной из своих статей он вспоминал годы учебы: «Моим научным руководителем был доктор филологических наук, известный иранист, азербайджанец Газанфар Алиоглы Алиев... Если не запамятовал, то научным руководителем Абсаттара был известный ученый-арабист – Юрий Николаевич Завадовский. Таким образом мы впервые взойшли на тропу, ведущую в мир востоковедения. Нам было очень нелегко. Так как ты прибыл из Казахстана, как-то не хотелось подводить ни свою нацию, ни Родину. С раннего утра до позднего вечера мы были в постоянном поиске знаний. С утра до вечера проводили время в библиотеках Москвы. И вечером из последних сил добирались до общежития. Дисциплина в Институте востоковедения была строгая, с очень высокой культурой, и каждый твой час был заполнен делами. Если в одном зале, в ученой среде, кто-то защищал диссертацию, то в другом зале проходила научная конференция по истории, экономике, политике стран Востока. Проводились беседы с членами делегаций из восточных стран. Языки Запада и Востока, как две струны домбры, начинали исполнять один органичный кюй...

Бободжан Гафуров был строгим человеком. Мы старались не попадаться ему на глаза. Тем не менее, когда как-то в коридоре я протискивался сквозь толпу, он, остановив меня, спросил: “Молодой человек, вы откуда?” Я сказал: “Из Казахстана”. “Значит, вас на учебу направил Д. А. Кунаев, а он – мой друг, и вы постарайтесь не подводить великого человека и свой народ”, – пожелал он. Мой лоб покрылся липким потом. Не зря говорят, что одинакова и радость, и испуг».

Как уместно отметил Утеген Нуржанович, у каждого дела есть свое начало. Однажды Б. Г. Гафуров вызвал и меня. Я зашел к нему, поздоровался.

Предложив присесть, он спросил:

– Какой язык для вас является родным? Вы окончили казахскую или русскую школу?

Меня удивили его вопросы. Я ответил, что окончил казахскую школу.

Б. Г. Гафуров поделился со мной своими планами:

– Когда я спросил: «Есть ли у нас казахи в институте, обучающиеся по арабистике?» – то услышал в ответ: «Да, есть один молодой человек». Я попросил вызвать вас. Казахстанские ученые А. Машанов и А. Кобесов из Алматы написали книгу «Аль-Фараби» и переслали ее мне. Я не знаю казахского языка. Вы сможете написать реферат по названной книге?

– Напишу, – сказал я.

– Сколько понадобится времени?

Я ответил:

– Хватит и одной недели.

Но Б. Г. Гафуров возразил:

– Нет, молодой человек, недели не хватит. Я вам даю месяц.

Таким образом, я написал реферат и передал директору института. Он остался доволен и поручил выдать мне стипендию за месяц. Именно так состоялось мое знакомство с мыслителем и ученым, выходцем из земли казахов – Абу Наср аль-Фараби (870–950).

В те времена мы не знали об этом выдающемся ученом. Впоследствии я заинтересовался его трудами, занялся поисками и нашел исторические сведения об аль-Фараби, написанные в средневековье на арабском языке. Полагая, что окажу помощь соотечественникам, взялся за перевод некоторых материалов.

Самой первой я перевел главу из книги «Смерть великих людей» [2; 153–158] средневекового историка Ибн Халликана (1211–1282) и отправил перевод в редакцию газеты «Лениншіл жас», которая была очень популярна в республике. Заведующим литературным отделом газеты был известный казахский писатель Оралхан Бокеев, который, долго не раздумывая, перенаправил мой перевод А. Машанову. Машанов остался доволен переводом и написал отзыв. Итак, мой перевод с предисловием А. Машанова был опубликован на страницах «Лениншіл жас». А моя заинтересованность гениальными представителями казахского народа в период средневековья стала возрастать.

По возвращении в Алматы я познакомился с Акжаном Машановым и Ауданбеком Кобесовым. Выступая с поздравительной речью, посвященной 90-летию юбилею Акжана Жаксыбековича в Политехническом институте, где он работал, рассказал предысторию моего знакомства с Б. Гафуровым. Он был растроган и дал свое благословение.

Долгое время в истории Казахской ССР из деятелей средневековой литературы и культуры, родившихся в казахской степи, изучались лишь М. Кашгари, Ю. Баласагуни, Х. А. Йасауи. Позднее, исследуя источники в библиотеках и фондах редких рукописей в Египте, Индии, Марокко, Турции, Москвы, Испании, Ирана, Германии, Великобритании, я обнаружил более ста мыслителей, которые родились на территории казахской степи. Их было настолько много, что если хронологически перечислить века, в которых они жили, то не останется временного просвета.

В 1960–1970-х годах, когда возникла спорная ситуация между учеными соседней страны по принадлежности Абу Насра аль-Фараби, Бободжан Гафуров проявил особую мудрость, не допустив разногласия между двумя дружественными братскими странами, и способствовал возвращению великого ученого в Казахстан.

В 1975 году к 1100-летнему юбилею аль-Фараби в предисловии к «Социально-этическим трактатам» сына Отрара академик Б. Гафуров писал: «Столь же искусственной модернизацией являются попытки изобразить аль-Фараби как казаха. Процесс этнического самоопределения в то время еще далеко не завершился. Едва ли справедливым будет и утверждение о том, что он – узбек. Оставаясь на почве фактов, можно утверждать, что аль-Фараби – выходец из тюркского племени, вошедшего позднее в состав казахского народа, что он – деятель, имеющий близкое отношение к культуре народов Советского Востока» [3; XVII].

Б. Г. Гафуров, совместно с казахском ученым-философом, профессором А. Х. Касымжановым, написал книгу «Аль-Фараби в истории культуры» [4] и опубликовал несколько своих ценных исследований, например «Абу Наср аль-Фараби и его время» в Вестнике АН СССР [5; 87–96] и др. Именно он в 1975 году направил меня в Рабатский университет имени Мухаммада V в Марокко, так как моя кандидатская диссертация была связана с марокканской литературой.

В период моего обучения в Москве была опубликована книга Б. Г. Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» (1972), впоследствии переведенная на иностранные языки и познакомившая исследователей и читателей с историей таджиков.

В работе Б. Гафурова описаны Средняя Азия раннего периода и борьба ее жителей с греко-македонскими захватчиками; греко-бактрийское государство; Средняя Азия кушанского периода и зарождение в ней феодальных отношений; народы Средней Азии VI–VIII веков (тюрки, Тюркский каганат, тюрки и эфталиты); завоевание арабами Тохаристана, Согда, Мавераннахра; исламская религия и цивилизация; история и судьба государств Тахиридов, Саффаринов и Саманидов, сыгравших большую роль в истории Средней Азии. Речь идет и о появившихся позднее на арене истории династиях Газневидов, Караханидов, Гуридов и Хорезмшахов, оставивших собственный след в истории; о монгольском нашествии; о создании Хромым Тимуром государства и о его развитии, процветании и причинах упадка. Эти и другие события проходят перед глазами, как кадры из кинофильма. Научное изложение, основанное на различных исторических источниках, дополняется сведениями о культуре, архитектуре, языке и литературе, рукоделии, прикладном искусстве, социально-экономическом укладе, торговле, денежном обороте и даже о вопросах суфизма.

В монографии отведено место узбекам, казахам, киргизам, каракалпакам и другим народам, выдающимся представителям Средней Азии: Абу Наср аль-Фараби, Абу Али ибн Сина, Абу Райхан аль-Бируни, Абу-л Касим аз-Земахшари, Бабуру, Алишеру Навои, Улугбеку, Наршахи, Ходжа Ахмет Йасауи, Юсуфу Баласагуни и др.

Следует отметить, что историю таджиков Б. Гафуров изложил наряду с судьбами других братских народов Средней Азии. Разумеется, известный ученый не забыл и о Южном Казахстане. Уместно упомянуты племя канглы и их государство, уйсуну и другие племена.

Книга академика Б. Гафурова была создана в тот период истории, когда возмечивался только один великий народ и его могучий язык. Когда бытовало

мнение, что «у народов Средней Азии нет своей истории» и «только благодаря Октябрьской революции они овладели грамотой», в частности, говорилось, что среди казахского народа грамотность была только 2 %. Научный труд Б. Гафурова изменил наше сознание и сподвиг к познанию своего прошлого. Книга была создана в период идеологической пропаганды коммунизма, жесткой цензуры и вряд ли увидела бы свет, если бы ее автор не был более десяти лет одним из руководителей Коммунистической партии Таджикской ССР, академиком Академии наук СССР и директором Института востоковедения АН СССР.

В 1949–1955 годах востоковед, специалист по средневековой арабской литературе И. М. Фильштинский (1918–2013) за диссидентские идеи находился в заключении в Каргопольском лагере. По возвращении из ссылки в 1958 году был принят в штат Института востоковедения. Несмотря на то что в 1968 году в поддержку диссидента Гинзбурга он подписал письмо на имя А. Н. Косыгина, Гафуров защищал и поддерживал И. М. Фильштинского. В 1978 году во время обыска в квартире И. М. Фильштинского была обнаружена самиздатская литература, тогда он и был уволен.

Да, И. М. Фильштинского поддерживал именно Б. Гафуров. Районный комитет партии потребовал Б. Гафурова уволить известного ученого за диссидентские взгляды. Но директор института отказался сделать это, обосновав тем, что востоковед И. М. Фильштинский «пишет историю арабской литературы». На удивленный вопрос секретаря: «Да что такое эта средневековая литература? Кому она нужна?» – Б. Гафуров ответил: «Я в политике уже давно. И я знаю политическое значение средневековой арабской литературы», защитив таким образом И. М. Фильштинского.

Б. Гафуров никого не наказывал и никого не увольнял. Провинившимся, если таковые были, он мог не повысить зарплату или отказать в должности старшего научного сотрудника, но этим и ограничивался. Если в институте проводились какие-либо мероприятия, имеющие отношения к политике и вызывавшие подозрения у районного комитета партии, Б. Гафуров заблаговременно уезжал в командировку. Вернувшись, объяснял: «В то время меня не было, не обратил внимания, такое более не повторится» [1; 140–141].

Б. Гафуров сумел собрать в институте историков, филологов, этнографов, ученых с мировыми именами, представителей различных отраслей науки, которые всегда поддерживали руководителя. У него были крепкие и разносторонние связи с миром Востока, и ведущие ученые многих стран признавали его. Из стран Востока приезжало множество ученых для работы над диссертациями и их защиты. Под эгидой ЮНЕСКО и других международных организаций проводились международные конференции, симпозиумы, что стало хорошей традицией Института востоковедения АН СССР. Вспомнилось, как в 2014 году на международной научной конференции в Казани я обратил особое внимание на объемный труд «Татары», изданный на русском языке. А в 2017 году в Стамбуле увидел эту же книгу, только на турецком языке. Иногда думаю, если бы наши ученые-историки совместно издали книгу «Казахи»...

В 1977 году в некрологе по поводу кончины Б. Гафурова, опубликованном в газете «Правда», руководством СССР была высоко оценена его работа: «Б. Г. Га-

фуров в 1941–1946 годах работал секретарем ЦК КП(б) Таджикистана, а затем, в течение десяти лет, являлся первым секретарем ЦК КП Таджикистана. Б. Г. Гафуров многое сделал для развития экономики, науки и культуры республики... Много сил и энергии... отдал подготовке квалифицированных кадров советских ориенталистов».

Приезжая в Москву, я считаю своим долгом заехать в Институт востоковедения. Там рядом с кабинетом директора висит на стене ковер с портретом Б. Гафурова...

Имя сына таджикского народа – ученого, видного государственного деятеля Б. Гафурова было присвоено городу в Таджикистане. Это довольно назидательный пример.

ЕВГЕНИЙ МАКСИМОВИЧ ПРИМАКОВ

В 1978–1985 годах Институт востоковедения АН СССР возглавил востоковед-арабист, академик АН СССР Е. М. Примаков, оставивший свой, уникальный след в востоковедении.

Я встречался с Е. М. Примаковым несколько раз. После завершения учебы в Москве, вернувшись в Алма-Ату, в 1977–1997 годах работал в университете. Организовал арабское отделение на филологическом факультете КазГУ имени С. М. Кирова (ныне КазНУ имени аль-Фараби), затем на его основе в 1989 году создал факультет востоковедения. В указанные годы время от времени бывал в командировках в Москве, в Институте востоковедения, который окончил сам. В 1977 году в институте защитил кандидатскую, а в 1988-м – докторскую диссертацию.

В институте работали мои наставники – академик Е. П. Челышев, профессора Ю. Н. Завадовский, С. В. Прожогина, И. В. Стеблева и другие. Их содержательные лекции, научные монографии строились на конкретных научных фактах, исторических документах, были особо значимы в научном мире. И мы, подражая своим педагогам, стремились стать такими же учеными, внести свой вклад в науку.

В начале 80-х годов Е. М. Примаков занялся созданием Всесоюзной ассоциации востоковедов, активно привлекая востоковедов Средней Азии и Казахстана. Однажды он спросил у сотрудников Института востоковедения, кого из ученых Средней Азии и Казахстана они могут посоветовать для консультаций и оказания помощи по вопросам создания ассоциации. Профессор Е. П. Челышев от Казахстана рекомендовал меня.

Во время одной из конференций в Москве я встретился с академиком Е. М. Примаковым и рассказал о том, что академик Б. Гафуров относился ко мне по-отечески, по-доброму и особо почитаем по-прежнему у народов Средней Азии. Обменявшись мнениями о развитии казахстанского востоковедения и ответив на его вопросы, услышал просьбу: подготовить список востоковедов Казахстана.

Евгений Максимович во время нашей беседы вспомнил историю, связанную с Б. Гафуровым.

«Бободжан Гафуров любил свой народ. В 1943 году, в самый разгар Второй мировой войны, он был на приеме у Сталина, обращаясь к которому озвучил свою просьбу:

– Пришел попросить помочь в выделении тракторов. Имеющиеся в наличии все состарились и совершенно непригодны.

Тогда Сталин сказал ему:

– Какие тракторы? Идет война.

Видимо, подразумевал, “почему не думаете о войне”. Это значило, что просьба останется без удовлетворения. Через несколько минут Сталин оторвался от бумаг, поднял голову и, увидев Б. Гафурова, стоявшего на прежнем месте, удивленно спросил:

– В чем дело? Сказал же, нет – значит, нет. Идите, вы свободны.

– Как я уйду? Тысячи дехкан ждут, когда я им привезу тракторы, – возразил Б. Гафуров.

Растроганный упорством таджикского руководителя и его переживаниями за свой народ, Сталин распорядился, чтобы ему оказали необходимую помощь», – завершил свой рассказ Е. М. Примаков.

Кстати, о любви к своему народу. В бытность директором Института востоковедения Б. Гафуров подготовил для Таджикистана большое количество научных работников, которые по завершении учебы в аспирантуре и докторантуре успешно защитили кандидатские и докторские диссертации.

В середине 80-х годов XX века я еще раз встретился с Е. М. Примаковым в Москве. Поздоровался с почтением. Так же, как и раньше, он разговаривал со мной тепло и искренне: «Люди, с коими я встречался, отзываются о вас положительно: что создали основу казахского востоковедения, организовали кафедру восточных языков в университете. Говорят, что теперь вы собираетесь создать и факультет востоковедения. При вашем содействии были основаны несколько отделений восточных языков и литературы. Это вы правильно сделали. Если понадобится помощь, не смущайтесь, обращайтесь». Эта встреча и этот разговор сблизили нас.

Е. М. Примаков выдал мне удостоверение о членстве в Ассоциации востоковедов СССР, подписанное лично им. Хотя и распался СССР, но храню этот документ по сей день.

Когда говорю, что встречался, беседовал с Е. М. Примаковым не единожды, подразумеваю и следующее: после 13 лет религиозной деятельности, в 2013 году, я был назначен директором Института востоковедения имени Р. Б. Сулейменова. Тесно общаюсь с коллегами, директорами институтов, советуюсь с ними по различным вопросам. Одним из них является бывший директор Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова, ученый-историк, академик Х. Абжанов, который как-то сказал мне: «Насколько я осведомлен, в свое время Е. М. Примаков в своем обращении к одному из официальных лиц Казахстана писал о вас, что следует обратить внимание на Абсатгара Дербисали, он – ученый с большим будущим...»

Е. М. Примаков руководил Институтом востоковедения до 1985 года, то есть, по времени, до восстания в Алматы в 1986 году. Затем в разные годы был депутатом Государственной Думы России, министром иностранных дел СССР, при Б. Н. Ельцине – премьер-министром России.

В свое время, видимо, по поручению правительства, Е. М. Примаков приложил усилия для спасения президента Ирака – Саддама Хусейна от американской агрессии. Посетил Багдад. Встретился с ним. Побеседовал. Предложил ему переехать в СССР. Скорее всего, его предложение Саддам Хусейн не принял. США захватили Ирак. Президент Саддам Хусейн, попав в плен, был казнен. Сюжет об этом демонстрировался по телевидению. Россия на протяжении ряда лет прилагает силы, чтобы обезопасить президента Сирии – Башара Асада. Бог

знает, чем все закончится... Если вдруг США захватят Башара Асада в плен, то он может разделить судьбу Саддама...

Как-то Е. М. Примаков приехал в Алматы. В то время Казахстан еще не решил, входить ли в Организацию Исламской Конференции. Размышляли, как это воспримет наш северный сосед. Е. М. Примаков поддержал наших руководителей по внешней политике в решении вопроса членства в Организации Исламской Конференции. Он сказал, что это прогрессивная организация, и рекомендовал вступить в члены ОИК.

Среди следующих директоров Института востоковедения я не встречал больше таких видных государственных деятелей, какими были академики Б. Гафуров и Е. Примаков.

В 2015 году Е. М. Примаков ушел из жизни. За особые заслуги перед Российским государством он был похоронен на Новодевичьем кладбище Новодевичьего монастыря в Москве.

ТОЛЕГЕН АБДИСАГИЕВИЧ КОЖАМКУЛОВ

Е. М. Примаков с большим уважением относился к своему предшественнику на посту директора Института востоковедения – Б. Гафурову. Похожая ситуация была и у нас.

В 2001 году академик Толеген Кожамкулов был назначен ректором КазГУ. Однажды он рассказал, что «после получения приказа о назначении на должность ректора КазГУ, прежде чем занять кресло руководителя обители науки и образования в 1970–1986 годах академика У. А. Жолдасбекова (1931–1999), построившего КазГУград, а одно время бывшего нашим наставником, чтобы у меня не осталось чувства, будто я не отношусь с почтением к нему, сначала съездил на Кенсай, на могилу Умирбека Арыслановича, посвятил чтение молитв из священного Корана. И только потом вошел в его кабинет. После, решением ученого совета университета, имя великого человека – У. А. Жолдасбекова было присвоено Дворцу студентов».

Сказанное Т. Кожамкуловым – незабываемо. Поэтому, когда вспоминаю Е. М. Примакова, ассоциативно думаю и о Толегене Абдисагиевиче. Разве действия Т. А. Кожамкулова не отражают его рассудительность, человечность и высокую нравственность?!

К сожалению, в нынешнее время не все, неожиданно получая высокую должность, вспоминают с благодарностью прежнего ее обладателя, не произносят похвалы в его адрес, а порой и вовсе не произносят имен своих предшественников...

ГАЛЫМКАЙЫР МУТАНОВ

После Т. А. Кожамкулова ректором КазГУ был назначен еще один талантливый казахский ученый, математик Галымкайыр Мутанов.

У меня всегда ликует душа, когда он беседует или общается в неформальной обстановке с Т. А. Кожамкуловым. В целом, разве стар и млад, люди при чине и люди при отсутствии должности – не должны быть так же солидарны и дружны?

Г. Мутанов, так же как и У. А. Жолдасбеков, Т. А. Кожамкулов, вносит свой, личный вклад в развитие, укрепление имиджа и величия КазГУ. И никто не сможет отрицать этого. Мы сами являемся свидетелями многих благих дел, совершаемых им.

Стало доброй традицией ежегодно весной проводить в университете Фарабиевские чтения. В них принимают участие видные деятели государства, образования и науки из США, Европы, Азии и Африки. Самое важное – происходит обмен мнениями о жизни и творчестве великого мыслителя. Галымкайыр Мутанович прекрасно понимает, что такие чтения могут дать много полезного, и за вклад в развитие почитаемой обители образования и науки вручает Золотую медаль Абу Насра аль-Фараби. Каждый год такую медаль получает один отечественный и один иностранный ученый. Таким образом выражается почтение гениальному сыну Отрара, названному вторым Аристотелем, и пропагандируются его труды. «Оказывая почести аль-Фараби, мы восхваляем и наш университет!» За это благодарны руководству университета представители научной и творческой интеллигенции.

НАТАЛЬЯ АБРАМОВНА АЙЗЕНШТЕЙН

В 1972 году я сочетался браком, и вскоре мы уехали в Москву. До женитьбы я жил в общежитии АН СССР, что на Новочеремушкинской улице. Сначала обустроились в нем. Потом арендовали квартиру. Несколько месяцев прожили в одном из домов около Павелецкого вокзала. Далее нашли комнату в коммунальной квартире в доме вблизи знаменитого Театра на Таганской площади. В 1973 году в Москве родился мой старший сын – Ербол. Поздравляли нас не только друзья по институту, аспиранты и научные сотрудники, но и известные востоковеды. И человечность, и проявленную заботу двух людей не забуду никогда.

Наталья Абрамовна Айзенштейн была специалистом по турецкой литературе. Она являлась автором многих книг по творчеству турецких прозаиков. Проводила семинары у аспирантов. Из своей очередной поездки на конференцию в Ленинграде она привезла Ерболу пеленки и необходимую одежду для новорожденных. Позвонила, попросила позволения зайти к нам и пришла. Мы беседовали и чаевничали. А спустя несколько дней меня вызвал председатель профкома института и выдал материальную помощь в размере 100 рублей. В то время это были большие деньги. Оказалось, что содействовала такой помощи Н. А. Айзенштейн, увидевшая, как мы живем.

ДАНИИЛ СЕМЕНОВИЧ КОМИССАРОВ

В институте были и другие добропорядочные и благожелательные люди. Один из них – профессор Даниил Семенович Комиссаров. Он был известным специалистом по персидской литературе, ученым, автором ряда книг. Однажды я услышал, что он, узнав о наших финансовых затруднениях, обратился к полномочному представителю, который руководил постоянным представительством Казахской ССР, что на Чистопрудном бульваре Москвы, об оказании мне помощи. Увы, от моих земляков я помощи так и не дождался.

Милосердный человек с большим сердцем, профессор Д. С. Комиссаров прожил 101 год и скончался в 2008 году.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗАВАДОВСКИЙ

Руководителем моей кандидатской диссертации был профессор Ю. Н. Завадовский. Поговаривали, что он дворянского происхождения. Его отец был генералом в царской России и руководил российской армией, аккредитованной

в Польше. После Октябрьской революции вместе с восьмилетним сыном Юрой семья эмигрировала во Францию.

Юрий Николаевич окончил Сорбонский университет. Во время Второй мировой войны вместе с французскими патриотами воевал с фашистами. Затем работал в посольстве Франции в ряде арабских стран. В 50-х годах прошлого века вернулся в СССР. Сначала его направили в Ташкент, где он занимался исследованиями и переводил на русский язык трактаты Абу Насра аль-Фараби Ибн Сины, Абу Райхана аль-Бируни. Академик Б. Гафуров вызвал его в Москву и принял в штат Института востоковедения. Именно в то время он и был моим научным руководителем.

Летом 1975 года Юрий Николаевич посетил Южный Казахстан, чтобы увидеть родину Абу Насра аль-Фараби – Отрар. Тогда, по поручению Б. Гафурова, он собирал материалы по жизни и творчеству Абу Насра. Из Москвы прилетел в Ташкент. На своей «Волге» его до Шымкента довез его ученик из Узбекистана Кабыл Насыров, исследовавший чадский диалект арабского языка. Далее – Отрар. Посмотрели так называемый Отрарский холм – городище Отрар. Из обнаруженных экспонатов городища житель Отрара Асантай Алимов на общественных началах создал музей – мы восторгались ими. Поехали в Туркестан. После осмотра мавзолея Ходжа Ахмеда Йасауи вернулись в Шымкент, где пробыли день. Посетили и старинный город Сайрам, в древности называемый Исфиджаб-Мадинату-л Байда. Помню, как Ю. Н. Завадовский, увидев мавзолеем Кази аль-Байдауи (?–1292) в Сайраме, не смог скрыть своего удивления: «Боже мой, известный исламский ученый Кази Абу Саъд Насруддин Абдаллах бин Умар аль-Байдауи, написавший тафсир к Корану, оказывается, похоронен не в Ширазе, а в Сайраме!» В той поездке он рассказал нам много интересного об ученых Сайрама, живших в средневековье. Я был молод, и меня взволновало услышанное о городе Сайраме и его ученых сынах.

Через несколько дней мой наставник вылетел в Москву через Ташкент...

Однажды в институте Юрий Николаевич познакомил меня с молодой женщиной кавказской внешности. Мы разговорились. Она рассказала, что хочет заняться франкоязычной литературой Алжира. Впоследствии мы иногда виделись в институте.

В один прекрасный день Юрий Николаевич шепотом спросил:

– Абсаттар, а вы знаете, кто это?

– Нет.

– Она – внучка Сталина.

– Сталина?

– Да, и ее зовут Галина Яковлевна Джугашвили. Теперь она будет вашей коллегой. Под моим руководством будет изучать алжирскую франкоязычную литературу. Она поступила на заочное отделение аспирантуры.

Галина редко приходила в институт.

Как-то я у нее спросил:

– А почему вы выбрали алжирскую литературу?

– Я жила в Алжире. Мой муж – алжирец, мусульманин, – объяснила она.

Последние слова произносились шепотом. И это было понятно. Время было такое.

Галина не знала арабского языка. Зато в совершенстве владела французским. В свое время Алжир был колонией Франции, и народ был сильно «офранцужен», появилось множество франкоязычных поэтов и писателей. Я слышал, как и Юрий Николаевич прекрасно говорит не только по-французски, но и хорошо знает английский язык. Вот таким уникальным человеком был мой научный руководитель Юрий Николаевич.

Через несколько лет Галина успешно защитила кандидатскую диссертацию впоследствии издала книгу (Джугашвили Г. Я. Алжирский франкоязычный роман. Москва, 1976).

Юрий Николаевич неустанно погружал меня в изумительный мир востоковедения, арабского языка, литературы и культуры, оказав на меня сильное влияние... Он скончался в Москве в 1979 году, уже после того, как я защитил кандидатскую диссертацию.

Когда в 2009 году отметили 100-летний юбилей со дня рождения Юрия Николаевича Завадовского, я, по просьбе его дочери, Зои Юрьевны Завадовской, написал специальную статью «Слово о моем учителе», опубликованную впоследствии на страницах книги «В поисках утраченного Востока. Ю. Н. Завадовский: Очерк жизни и творчества. Автобиографический роман» (Москва: Винмом, 2014).

По поводу этой статьи расскажу один случай. Поздней осенью 2017 года я получил письмо из Москвы от председателя Совета муфтиев России, Главного муфтия – Равиля хазрета Гайнутдина. В нем сообщалось, что в конце года они организуют международную конференцию по межрелигиозному диалогу в столице Финляндии – Хельсинки и приглашают меня. Я был растроган тем, что видный религиозный деятель, брат по религии и духу, не забыл и с почтением пригласил меня.

Конференция прошла на высоком уровне. В ее работе принимали участие делегаты – представители разных религий из США, Европы, Азии, Австралии, Латинской Америки, арабских стран, Турции, Средней Азии и Казахстана. С поздравлениями выступили несколько министров Финляндии, ответственные работники аппарата президента.

После моего доклада ко мне подошел доктор исторических наук, профессор из Москвы, знаток арабского языка Д. В. Микульский: «Наслышан о вас. Я знаю, что вашим наставником был известный профессор Ю. Н. Завадовский. В статью “Слово о моем учителе”, посвященной 100-летию вашего научного руководителя, вы написали о нем очень трогательно. Я тоже знал Юрия Николаевича и очень уважительно относился к нему как к видному ученому и человеку с большим сердцем. Я все искал встречи, чтобы рассказать о своих впечатлениях от вашей статьи. Очень рад знакомству с вами...»

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЧЕЛЫШЕВ

От востоковеда, большого специалиста в области индийского языка и литературы, обладателя Международной премии имени Дж. Неру академика Евгения Петровича Чельшева, участника Второй мировой войны, я видел только добро. Это порядочный, добрейшей души человек.

Когда я поступил институт, Е. П. Чельшев был заведующим отделом литературы народов Азии. Под его началом, кроме меня, училось много молодежи из Узбеки-

стана, Таджикистана, Азербайджана, Грузии, Армении, Индии, арабских стран. Защищали кандидатские, докторские диссертации. Он облагодетельствовал всех.

1969 год. По сложившейся традиции, кандидаты на поступление в аспирантуру Института востоковедения должны были пройти собеседование с заведующим отделом Е. П. Чельшевым.

Во время беседы он с ходу спросил меня:

– На каком языке вы думаете?

Я задумался на несколько секунд. Если скажу, что на русском языке, то это – не мой родной язык, сразу могут уличить во лжи. И ответил:

– Когда я в Казахстане, думаю на казахском, теперь здесь, наверное, начну думать по-русски.

Е. П. Чельшеву, видимо, понравился мой ответ.

– Согласен вас принять. Давайте распишусь на вашей бумаге, – сказал он.

Между тем шли годы. В 1987 году моя докторская диссертация была завершена и, по предложению моего научного консультанта, профессора С. В. Прожогиной, вынесена на обсуждение. Кроме специалистов по моей отрасли и ученых Института востоковедения, были приглашены известный литературовед, арабист Московского института международных отношений профессор Б. Я. Шидфар; большой специалист по испанской арабской литературе, позднее директор Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, профессор, академик РАН А. Б. Куделин; выдающийся специалист по арабскому языку, профессор Г. Ш. Шарбатов и другие известные ученые. Обсуждение прошло хорошо. Работа была рекомендована к защите.

Тем не менее, во время обсуждения одна дама, специалист по афганской литературе, высказала отрицательное мнение. Ее доводы были следующими. Во время декабрьских событий в Алма-Ате в 1986 году казахи устроили нападение на русский детский сад. Были смертельные случаи. Так почему мы должны позволять этому казаху защищаться? А дело в том, что КГБ представлял участников декабрьских событий пьяницами и наркоманами, используя привычные методы и подогревая слухи о нападении на русский детский сад. Такая молва докатилась и до Москвы. По указанной причине моя коллега и выразила протест.

Председатель специализированного совета профессор Е. П. Чельшев отреагировал следующим образом:

– Разве во время событий в Алма-Ате он не учился в нашем институте? Даже если случай нападения на садик подтвердится, у вас имеются факты, что среди злоумышленников был Дербисалиев?

Она признала отсутствие подобных сведений.

Профессор Е. П. Чельшев добавил:

– Дербисалиев был и аспирантом, и докторантом дневного отделения нашего института. От нашего института ежегодно возглавляет проведение сельхозработ в подшефном колхозе Волоколамского района Московской области. И ему все время вручали похвальные грамоты за хороший и добросовестный труд. В свое время вы сами утвердили тему его научной работы. Следует дать справедливую оценку диссертации. Давайте не будем ущемлять права докторанта.

А его слова: «Абсаттар Дербисалиев по поручению института помогал организовывать международную конференцию в городе Туркестане. Вы осведомлены об этом. Не понимаю вас!» – я помню до сих пор.

Оппонентами на моей защите были профессор факультета востоковедения Ленинградского университета О. Б. Фролова, профессор А. Б. Куделин из Москвы и профессор Института востоковедения М. Н. Османов (Дагестан). Защита прошла удачно. Специалист по афганской литературе не проголосовала против, но воздержалась. Известный ученый-тюрколог института профессор И. К. Стеблева, индолог профессор И. Д. Серебряков и другие ученые выразили положительное мнение... Спустя несколько месяцев, по пути в Ливию, я остановился в Москве и, узнав об утверждении докторской диссертации, забрал диплом с собой.

Е. П. Чельшев уделял внимание своим воспитанникам постоянно. Одну из своих книг – «Культура. Мир. Прогресс» (Ташкент, 1977) он подарил мне с автографом: «Дорогому Абсаттару. С пожеланиями самых больших успехов в развитии востоковедения в Казахстане. С самыми добрыми пожеланиями здоровья и творческих успехов. Е. Чельшев. 19.I.1980». Думаю, я оправдал надежды моего наставника.

...В ноябре 1986 года мы приняли участие в Днях культуры Казахской ССР, проводимых Казахским обществом дружбы и культурных связей с зарубежными странами в Северном и Южном Йемене. Была сформирована специальная делегация, состоящая из общественных и культурных деятелей нашей республики. Посетив столицу Северного Йемена – Сану, отправились в Южный Йемен, в его главный город Аден, где провели культурные мероприятия. Незадолго до нашего прибытия в Южном Йемене разгорелась гражданская война и было много погибших. К власти пришел господин Али Салим аль-Байд. Президент страны Али Салим аль-Байд главу делегации и меня принял с почтением. Была встреча и в посольстве СССР.

Это происходило как раз в то время, когда началось преследование и снятие с должностей некоторых лиц, в их числе был и У. А. Джолдасбеков. Думаю, результатом таких гонений и стало декабрьское восстание 1986 года.

Во время встречи в посольстве генерал по госбезопасности (по-моему, его фамилия Жалаиров), казах по национальности, выразил сожаление и огорчение по поводу снятия с должности У. А. Джолдасбекова, отметив его колоссальный вклад в науку и образование нашей страны. Находясь за рубежом, на особо ответственной работе, человек таким образом продемонстрировал решительность, четко обозначив свою позицию. С тех пор прошло более 30 лет. Жив он сейчас или нет, не знаю. Ныне, вспоминая Жалаирова как порядочного человека, думаю, что он предчувствовал приближение бури от надвигавшихся темных туч над Казахстаном.

...Еще в 1977 году, во время защиты кандидатской диссертации в диссертационном совете профессор Е. П. Чельшев предложил мне остаться и работать в институте, в Москве. Он считал: раз Институт востоковедения, то в нем должны работать талантливые представители и восточных стран, уведолив меня, что вопрос уже согласован с директором института Б. Гафуровым. Но я ответил отказом. На родине оставались престарелая мать и маленький сын Ербол, трех-четырёх лет от роду (кстати, он потом стажировался в Каирском университете и окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова). Не хотелось снова испытывать и жилищные проблемы в Москве. Счел необходимым полученные знания направить во благо своей страны. И никогда после я не сожалел о принятом решении.

Еще замечу, что в середине 1970-х годов секретарем профессора Е. П. Чельшева стала одна светленькая девушка. Ее звали Алла Ташенова. Думаю, что она имела отношение к Жумабеку Ташенову. Преимущественно говорила по-русски. Но иногда, когда я уходил на каникулы или уезжал домой, она говорила по-казахски: «Ақ жол!» (Счастливого пути!). Впоследствии, видимо, перешла на другую работу, больше в институте я ее не видел.

Выдающийся исследователь культуры Индии, сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия, академик РАН Евгений Петрович Чельшев скончался в 2020 году, на 99-м году жизни.

ПУРОБИ – «ВЕЧЕРНЯЯ МЕЛОДИЯ»

У профессора Е. П. Чельшева училась аспирантка из Индии. Кажется, ее звали Пуроби Мукерджи. Это была приятная девушка аскетичного телосложения, вежливая и умная. Всегда ходила в национальной одежде – сари. При встречах демонстрировала свою осведомленность в казахском языке и литературе, в частности, рассказывала о Мухтаре Ауэзове и его эпопее «Путь Абая». В свою очередь, я расспрашивал ее об индийском классике Рабиндранате Тагоре (1861–1941). Я считал ее своим другом за уважительное отношение к нашему народу, его литературе и культуре.

Пуроби была девушкой с добрым характером, все любили ее и уважали. Индия – страна с множеством национальностей, языков и религий. Пуроби была родом из Бенгальской губернии Индии, города Калькутты, и могла неустанно рассказывать о литературе на бенгальском языке.

Я заметил уважительное отношение к ней и со стороны директора института, академика Бободжана Гафурова.

Однажды Б. Гафуров спросил:

– Пуроби, что означает на русском ваше имя?

Она объяснила:

– Пуроби – вечерняя мелодия.

Так за ней и закрепилось в шутку это имя – «Вечерняя мелодия».

В 1973 году в Алматы прошла V Международная конференция писателей стран Азии и Африки. Со всех концов света приехали поэты и писатели, деятели культуры и столпы общества. Среди них был индийский писатель Шубхаш Мукерджи. Он был похож на брата Пуроби – «Вечерней мелодии». Но мне не довелось побеседовать с ним.

ГИЛИ АБД АР-РАХМАН (СУДАН), КОТОРЫЙ ПЕРЕВЕЛ СТИХИ АБАЯ НА АРАБСКИЙ

Газета «Московские новости» издавалась на нескольких европейских языках: английском, французском и немецком. Мы постоянно читали ее версию на арабском языке – «Анба муску», где в основном публиковались материалы из тех же «Московских новостей», переведенные на арабский язык. Язык перевода был легким, читать было интересно.

В редакции газеты «Анба муску» работал мой коллега – аспирант Музаффар Ала аль-Абд аль-Вахид, который учился вместе со мной в аспирантуре, в отделе литератур народов Азии. Он родился в Ираке. Окончил ГИТИС в Москве. В аспирантуре изучал театры Ирака и арабскую драматургию. На период своей

поездки по семейным обстоятельствам в Багдад он попросил меня временно заменить его на работе в редакции «Анба муску». Вопрос о замене был согласован с руководством редакции газеты. Музаффар заинтриговал меня, сказав, что «в редакции работает суданский поэт Гили Абд ар-Рахман, который перевел на арабский стихи классика казахской литературы Абая. Ты можешь у него взять интервью об опыте перевода Абая. Я его предупрежу». И через несколько дней уехал в Багдад. Я же с головой окунулся в работу редакции.

Гили ас-Саид Абд ар-Рахман (1934 г. р.) оказался смуглым человеком среднего роста. Приятный собеседник. В свободное время он делился со мной воспоминаниями о работе над переводами стихотворений Абая Кунанбаева. Основательное знание поэтом-переводчиком культурной и исторической жизни казахского народа благотворно повлияло на передачу содержания, уникального идейно-художественного уровня произведений Абая и своеобразия языка величайшего поэта-мыслителя. Египетские газеты «аль-Гумхурийа» («Республика»), «аль-Маса» («Вечер»), иракская «Тарик аш-Ша'б» («Путь народа») высоко оценили этот перевод на арабский язык поэзии поэта-гуманиста Абая.

Гили ас-Саид Абд ар-Рахман принимал участие в V Международной конференции писателей стран Азии и Африки в Алматы в 1973 году и в торжествах по случаю 1100-летия аль-Фараби в 1975 году. Он перевел произведения зарубежных поэтов и писателей на арабский язык. Избранные стихи и поэмы Абая в переводе Гили Абд ар-Рахмана были изданы на арабском языке в 1974 году московским издательством «Прогресс». Книга открывалась предисловием – статьей Мухтара Ауэзова «Великий поэт казахского народа».

В 1975 году Гили ас-Саид Абд ар-Рахман защитил в Институте востоковедения диссертацию «Возникновение и развитие суданской новеллы» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Научным руководителем был профессор Е. П. Чельшев, оппонентами – Г. И. Шарбатов и Б. Я. Шифар.

В Москве проживали поэты и писатели из Судана. Я был лично знаком с поэтом Тадж Сир аль-Хасан, который говорил мне о высоком качестве художественных переводов поэзии Абая, выполненных Гили. О впечатлениях читателей других арабских стран от переведенных Гили стихотворений Абая я написал в статье «Абай және араб оқушылары» («Абай и арабские читатели») в журнале «Мәдениет және тұрмыс» (1977, № 5, с. 20–21).

Большинство пребывавших в Москве арабских писателей выражали несогласие с политическим руководством своих стран и эмигрировали в Россию. Среди них был и египтянин Абд ар-Рахман аль-Хамиси, ставший спустя многие годы лауреатом Международной Ленинской премии. Мне кажется, что Гили тоже был одним из писателей, эмигрировавшим из Судана в Москву.

Вспоминаю 1975 год... Ах, как же летит время...

Окончив аспирантуру, я вернулся на родину. А спустя сорок лет мне посчастливилось побывать в Судане, на родине Гили.

В 2017 году Центр стратегических исследований (Стамбул, Турция) планировал провести Международную научную конференцию в Хартуме. Хартум расположен в середине Судана, между Белым Нилом на западе, берущим начало в Центральной Африке, и Голубым Нилом на востоке, в Эфиопии. На уровне Хартума они, объединившись, превращаются в одну реку. Я рвался в ту поездку, мечтая увидеть еще раз Гили.

В конференции, которая успешно прошла в Международном университете «Африка», принимали участие многие ученые, поэты и писатели, студенты. Я стал расспрашивать про Гили. Писатели рассказали, что Гили Абд ар-Рахман в 60-х годах прошлого века из-за несогласия с режимом военной диктатуры уехал в Москву. К сожалению, талантливый поэт и писатель ушел из жизни. Да будет земля ему пухом!

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ПРОЖОГИНА

В докторантуре Института востоковедения (1986–1988) моим научным консультантом была профессор С. В. Прожогина, известный ученый, выпускница филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Ее супруг, Н. Прожогин, был ведущим работником газеты «Правда». Светлана Викторовна Прожогина прекрасно владела французским языком и была собственным корреспондентом «Правды» не только в Тунисе, Алжире и Марокко Северной Африки, но и в Италии и Франции. По возвращении в Москву была принята на работу в Институт востоковедения, где изучала творчество франкоязычных писателей арабских стран. Написала множество монографий. По моему предложению она стала научным руководителем диссертаций молодых ученых из Алматы, ныне профессоров – Гульнар Надировой и Жанны Енсебаевой.

В 2018 году С. В. Прожогиной исполнилось 80 лет. Мы сердечно поздравили известного ученого с юбилеем.

В 1980–1997 годах, по моему личному приглашению, выдающиеся востоковеды из Москвы – Е. П. Челышев и С. В. Прожогина, И. В. Стеблева и А. Б. Куделин, из Ленинграда – А. Б. Халидов, А. А. Долинина читали лекции нашим студентам в КазГУ. Ну как не растрогаться? С благими намерениями и с щедрой душой мои наставники и старшие коллеги оказали неоценимую помощь Казахстану в развитии востоковедного учения и в подготовке молодых кадров – востоковедов.

С тех пор прошло много времени. И мы тоже уже не молоды. Я обрел много знаний в разных областях науки. В ходе моих постоянных поисков, кроме Абу Насра аль-Фараби, обнаружил на страницах средневековых рукописей имена многих наших казахских мыслителей, гениев и ученых, о которых не только не знали в народе, но слыхом не слыхивали даже ученые. Я обнаружил сочинения таких гениев, как тридцать аль-Фараби из Отрара, более двадцати Исфиджаби-Байдауи-Сайрами, более тридцати Шаугари – Йасауи-Туркистан, Арсбаникаси (Арыскенти), более сорока Женди и более семидесяти Сыгнаки, Саурани, Женди, Тарази, Баласагуни и ввел их труды в научный оборот.

В Кашмире я обнаружил могилу Мухаммеда Хайдара Дулати (1499–1551) и поручил моему талантливому ученику, ученому-иранисту Исламу Жеменей перевести его классическое сочинение «Тарих-и Рашиди» с персидского на казахский язык. С моим объемным предисловием научный труд был издан в 2003 году.

На основе рукописей, обнаруженных в Берлине и Кашгаре, я перевел на казахский язык поэму М. Х. Дулати «Жахан-наме», написанную на чагатайском языке, и представил вниманию читателей. Я постоянно, в разные годы проводил научные изыскания и во время своей учебы в учебных заведениях, и в период работы в ряде арабских стран. Повторюсь, что мои московские наставники свои-

ми благодарениями по отношению ко мне осветили мой путь к науке. Я слушал их лекции, учился у них. И сегодня в моих научных достижениях есть та лепта, которую они вложили в мое формирование как ученого.

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ЧУКОВ

В отделе литератур народов Азии под руководством профессора Е. П. Чельшева, как уже отмечено, обучались аспиранты из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Армении, Грузии, а также из Прибалтики. Разумеется, были среди них и москвичи – Борис Владимирович Чуков, и алматинка, ставшая позже москвичкой, – казашка Дарига Онаева.

Борис Чуков окончил Московский педагогический институт иностранных языков имени М. Тореза. Впоследствии увлекся арабским языком и приступил к его изучению, чтобы получить новую специальность и исследовать арабскую, в частности современную иракскую, литературу.

Сначала отношения с Борисом у меня не складывались. На традиционной ежегодной научной конференции аспирантов я выступил с докладом по марокканской литературе «Абд ар-Рахман ибн Халдун о поэзии Магриба».

Известный историк и социолог Ибн Халдун (1332–1406) родился в Тунисе, жил в Андалусии и Египте. В одной из последних глав его всемирно знаменитой «Мукаддима» говорилось о средневековых марокканских (магрибских) поэтах. На основе именно этого научного труда я подготовил доклад и выступил на собрании.

Докладу была дана хорошая оценка, но поддержал меня лишь Борис Чуков. В том году он защитил кандидатскую диссертацию. Может, по этой причине у него было желание себя показать, кто знает?! Но тогда еще кандидат филологических наук Александр Борисович Куделин, в дальнейшем академик, директор Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, известный своими исследованиями в области андалузской арабской литературы, выразил несогласие с ним. Впоследствии версия моего доклада в виде научной статьи была опубликована в журнале «Известия АН КазССР» (серия общественных наук, 1973, № 5, с. 8–17) в Алматы и в сборнике тезисов докладов аспирантов в Москве.

Более разногласий с Борисом не возникало. Вместе мы неоднократно ездили от института на сельскохозяйственные работы в село Михайловское Волоколамского района Московской области и в Зарайский район той же области. Постепенно нашли общий язык.

Борису Чукову институтом была поручена организация Всесоюзной конференции по литературе народов Востока, которая проводилась в разных городах СССР. Первая конференция была проведена в Ташкенте. Последующую было решено провести в историческом городе Туркестан. Так как Туркестан находился в Казахстане, мне было поручено оказывать всемерную помощь Б. Чукову в подготовке конференции.

В 1987 году я пришел на прием к секретарю партийного комитета Южно-Казахстанской области по идеологии Айсен Беспасовой, чтобы передать ей письмо от Института востоковедения. В разговоре она проявила чванство и гордыню, хотя у нее не было причины вести себя высокомерно. Тогда я зашел в кабинет второго секретаря, русского по национальности (запомню, как его зовут), и он связался с секретарем парткома города Туркестан – Нуридином Балкияевым, дав ему соответствующее поручение.

В конференции, проходившей в актовом зале педагогического училища в Туркестане, приняли участие ученые из различных уголков Советского Союза. Была организована экскурсия в город Кентау. Мы любовались его достопримечательностями. Борис, я и еще два востоковеда выехали на берег Сырдарии, прошлись по побережью исторической реки.

Как только работа конференции завершилась и мы проводили участников из Туркестана и Шымкента, я пригласил Бориса посетить мои родные места – село Высокое (ныне – Шакпак-баба) Тулькубасского района и заповедник Аксу-Жабаглы, что в ложбинах Алатау. В селе Высокое жили родственники моей матери Мейрамкуль, в частности, один из ее братьев, мой ровесник – Манабаев Сабырбек.

Дважды кавалер ордена Славы чабан Сабырбек Манабаев был широко известен не только в районе, но и за его пределами. Он радушно принял нас и провел экскурсию по заповеднику. Мы передвигались верхом на лошадях. Хоть эти земли были для меня родными, оказывается, я видел только окраину заповедника... Прогулка получилась отличной. Борис в жизни не только не садился на лошадь, он даже не видел ее в глаза. А мы его посадили на лошадь! После посещения заповедника вернулись в Высокое. Сабырбек в честь друга своего родственника и ровесника зарезал барана.

Борис никогда не был на казахской земле, и ему, как востоковеду, было интересно все. Создавалось впечатление, что он сравнивает образ жизни и быт казахов с арабами, которых он знал и стремился узнать еще больше. И во время экскурсий по аулу он все фотографировал. Оказалось, что в каждом ауле присутствовали тайные агенты КГБ. Видимо, один из них сообщил в соответствующее учреждение: «Ой-бай, в нашем ауле расхаживает неизвестный, ходит по улицам и фотографирует». КГБ установил за Борисом наружное наблюдение. Председателя сельсовета, фронтовика, тоже известили об этом. Спустя многие годы, он, смеясь, рассказал мне об этом.

Борису понравился Тулькубасский район, и он захотел остаться еще на несколько дней. У меня на подходе были лекции в КазГУ, я уехал в Алматы, поручив Бориса Сабырбеку, который и купил ему билет от Шымкента до Москвы, и проводил его на вокзал. Впоследствии Борис постоянно рассказывал о своей поездке в Туркестан, Кентау и Тулькубас. В Москве, на научном совете института с восхищением изложил историю своего вояжа. И некоторые ученые очень жалели, что не оказались с нами.

Такие же конференции Борис Чуков проводил в Полтаве, Симферополе и в Крыму. После окончания конференций я непременно знакомился с памятными, историческими местами, памятниками, музеями. Посетил крымскую Феодосию. Был в музее великого художника-мариниста И. К. Айвазовского (1817–1900).

Квартира Бориса находилась в центре Москвы, на улице Герцена. В каждый мой приезд в Москву он приглашал к себе домой. У него была одна мать, а отец его, оказывается, был известным театральным режиссером.

У Бориса была дочь. Училась она в Институте стран Азии и Африки при МГУ имени М. В. Ломоносова и, как мой Ербол, окончила арабское отделение, стала арабистом. Во время моей работы в сфере религии, в одной из поездок я узнал, что Борис развелся с женой и женился на казахской девушке из Шымкента, и что у них есть сын Руслан и дочь Айнур. Но мне так и не довелось познакомиться с ними.

Еще когда я защищал докторскую диссертацию, Борис предоставлял мне свою московскую квартиру, таким образом создавая для меня условия для успешной работы над документами по защите. Позже он подарил мне свою книгу «Новеллика в иракской литературе» с автографом «На добрую память моему закадычному другу Абсаттару». «Закадычный» – значит, настоящий друг...

В 2014 году, возвращаясь из научной командировки в Испанию, я заехал в Москву. Зашел в Институт востоковедения, в котором когда-то учился... Директором в то время был арабист, профессор В. В. Наумкин. Мы подписали договор о сотрудничестве между нашими институтами.

У секретарши директора узнал, что мой друг Борис Чуков незадолго до этого скончался.

БУРХАН АЛЬ-ХАТЫБ (ИРАК), КОТОРЫЙ ПЕРЕВЕЛ НА АРАБСКИЙ «ПУТЬ АБАЯ»

В Москве успешно функционировало издательство «Прогресс», которое издавало в переводах на ряд европейских и восточных языков сочинения писателей и поэтов-классиков народов СССР, распространяя их по всему миру. Помню, как был издан роман «Кровь и пот» Абдижамила Нурпеисова на арабском языке. Мы были наслышаны, что переводчики квалифицированы и хорошо знают литературу.

Борис Чуков был в хороших отношениях с сотрудниками издательства. Он занимался переводами художественной литературы иракских новеллистов и марокканских романистов на русский язык. Однажды он сказал мне: «Я знаком с иракским писателем Бурханом аль-Хатыбом, который перевел на арабский “Путь Абая” классика казахской литературы Мухтара Ауэзова, сочтете нужным – познакомлю. Но он сейчас проживает в Швеции. Если вдруг он будет в Москве, дам знать».

В 1988 году Бурхан приехал в Москву на несколько дней. Борис сообщил: «Я рассказал ему о вас. У него очень мало времени, но обещал встретиться с вами». Спустя несколько дней, я увиделся с Бурханом в Институте востоковедения. Поговорили. Он изначально условился, что интервью будет длиться не более чем тридцать минут, у него есть и другие встречи. Я согласился. Он отвечал на мои вопросы. Я записывал.

Время прошло очень быстро. Статью на основе данного интервью я предложил редакции журнала «Жалын». Она была опубликована в № 2 за 1989 год.

ДАРИГА ИБРАГИМОВНА ОНАЕВА

В Институте востоковедения училась и Дарига Онаева. На весь институт было всего три или четыре казаха. У. Н. Кумисбаев родился в 1939 году, был лет на девять старше нас и окончил факультет журналистики КазГУ. Он обращал на нас мало внимания: то ли сыграла роль его популярность как поэта-литературоведа в Казахстане, то ли он считал нас еще молодыми.

Дарига закончила отделение арабского языка и литературы Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Ее научным руководителем был кандидат филологических наук Г. Ф. Гирс. Исследовала она один из арабских эпосов – «Бани Хилал». Данную тему доверили только ей, так как она хорошо знала арабский язык, литературу и культуру. После окончания ИСАА Даригу приняли на работу в Институт ли-

тературы и искусства имени М. О. Ауэзова, затем направили на стажировку в Институт востоковедения и дали направление в аспирантуру.

Наши с Даригой отделения имели разные направления, и виделись мы лишь изредка. Она была русскоязычной. Во время знакомства представилась как Дариго: ей нравилась такая версия ее имени и было приятно, когда к ней обращались «Дариго». Я убеждал ее, что на казахском языке правильнее – Дарига.

С Даригой мы обсуждали многие темы, рассуждали, советовались. Она старалась не затрагивать вопросы о семье. Знаю, что ее отцом был Ибрагим Онаев, научный сотрудник одного из институтов АН Казахской ССР.

В 1975–1976 годах я продолжил учебу в Марокко, в Университете Мухаммеда V в Рабате. А она была очень увлечена Марокко: «Ой, Абсаттар! Ты такой счастливый, что едешь в такую удивительную арабскую страну на побережье Атлантики!»

Дарига вовремя завершила работу над диссертацией и защитилась в срок. Ее оставили работать в Институте востоковедения, и она продолжила исследования по истории арабской литературы.

Хоть и не было между нами тесного общения в период учебы в Институте востоковедения, и каждый из нас был на своей работе – она в Москве, я в Алматы, но в каждый мой приезд в Москву мы встречались и беседовали.

Во время моего очередного приезда в Москву Дарига пригласила меня к себе домой и познакомила с супругом. Ее муж, Болат Сагимбеков, оказался культурным и образованным человеком, родом из Жезказгана. Казахский был его родным языком. Работал он на автомобильном заводе Москвы. Приезжая вдвоем в Алматы, они приходили в гости к нам.

Когда я стал директором Института востоковедения имени Р. Б. Сулейменова, Дарига не забывала посещать наш институт. Мы говорили об Институте востоковедения РАН, я рассказывал о творческой работе нашего института. Вспоминали наших московских наставников: Б. Я. Шидфара, С. В. Прожогину, А. Б. Куделина, М. Н. Османова, И. В. Стеблеву, Г. Ф. Гирс, Б. В. Чукова и многих других, годы учебы в аспирантуре и докторантуре...

Последний раз я видел Даригу в 2016 году, когда она летом приезжала в Алматы. Как всегда, провели время в беседах. Последние годы она исследовала поэзию классика арабской литературы Ахмада аль-Мутанабби (915–965) – поэта бунтаря, каким был и классик казахской литературы Махамбет Утемисов. Кроме того, Дарига перевела элегические стихи аль-Мутанабби, ранее не публиковавшиеся на русском. Она подарила мне свою книгу – «Арабская элегия X века. Аль-Мутанабби», посвященную поэзии арабского поэта, с личным автографом: «Дорогим Дербисалиевым в память о нашей дружбе, молодости, взаимопомощи и научном сотрудничестве от автора. Июнь 2016».

В феврале 2018 года нас настигла трагическая весть: Дарига скончалась. Ее похоронили на кладбище Кенсай в Алматы. Тогда я увиделся с ее дочерью Манарой. Так же, как и Дарига в свое время, Манара окончила Институт стран Азии и Африки в Москве, только отделение турецкого языка и литературы. Замужем за алматинцем, у них маленький ребенок.

Дарига хоть и не владела родным языком, но любила свою страну. Во время декабрьских событий 1986 года, когда преследовались патриоты казахского народа и на весь народ возводилась клевета, это причиняло ей боль, она тяжело переживала происходящее... Во время встречи в Москве Дарига рассказала мне:

«Прямо душа болела тогда. Но сделать ничего нельзя. Даже родного языка не знаю. И Манара лишена знания казахского языка. Конечно, здесь нет ее вины. И я училась в алматинской русской школе. Обучалась в Москве. Решила, что все, хватит. Решила, пусть хотя бы дочь научится казахскому языку, и мне из Алматы выслали книги на казахском языке. Выбрав одну попроще, как показалось на мой взгляд, начала читать Манаре. Читаю, но не только дочь, но даже сама не понимаю содержания.

Манара говорит:

– Мама, по-другому читай, по-другому...

– Как по-другому?

И начинаю читать сначала.

– Нет, мама, по-другому читай, – говорит дочка.

Оказалось, что дочкино “по-другому” значило “читай на русском”. Я была так зла на себя, что от бессилия расплакалась...»

Эту историю Дариги я рассказал собравшимся помянуть Даригу на сорок дней в алматинском ресторане «Ханшайым», где были и Болат, и Манара. Вот таким патриотом была Дарига Ибрагимовна Онаева. Да будет ей земля пухом!

ЮРИЙ КУНАДЗЕ

Я уже писал, что по возвращении в Москву после летних каникул наш институт ежегодно в сентябре на месяц отправлял нас на сельскохозяйственные работы в село Михайловское Волоколамского района Московской области. Направляли не только аспирантов и стажеров, но и кандидатов наук. Среди них были специалисты по японскому, арабскому, индийскому, персидскому, турецкому, малайскому языкам и литературе.

Были и те, кто пришли в науку после дипломатической службы. К примеру, Ростислав Борисович Рыбаков. Он исследовал историю Индии. Помнится, как он рассказывал, что много лет работал в Индии. В годы, когда развалился Союз и республики обрели статус независимых стран, после Б. Гафурова и Е. М. Примакова Р. Б. Рыбаков несколько лет был директором Института востоковедения. Он принимал участие в работе многих международных конференций, мы встречались в Алматы и Астане.

Но вернемся к Волоколамску. Сначала на вокзале мы садились в электричку и ехали в западном направлении. Исторический город находился чуть более чем в ста километрах от Москвы. По пути мы проезжали места кровопролитных сражений с немцами, которые описывались в записках Бауыржана Момышулы. Через несколько часов, не доезжая до Волоколамска, поезд останавливался на несколько минут на разъезде Дубосеково. Я сходил с электрички, чтобы очередной раз осмотреть места, где воевали мои земляки – 28 панфиловцев, защищая Москву. К северу от разъезда, то есть если пройти десятки метров от железнодорожных путей, можно увидеть окопы панфиловцев. Еще через несколько километров – Волоколамское шоссе, ведущее в сторону Москвы.

Волоколамск – старый город. К югу от него начиналось Шаховское шоссе. Проехав немного, можно пешочком пройти в западном направлении, напрямик в Михайловское.

Михайловское – небольшое село с расположенными врзброс домами, которое находится посреди густого леса. Мы жили на полевом стане колхоза. Днем

собирали картошку, упаковывали в мешки и укладывали на тележку, цепляя ее к трактору, который увозил урожай на базу. Вечером приходили ночевать на полевой стан. Еду готовили сами. По воскресеньям прогуливались по лесу. Это были места страшных битв, и в лесу часто находили солдатские каски, винтовки и патронташи.

Большую часть помощников колхоза составляла молодежь. Среди них особо запомнились два парня – А. Долин и Ю. Кунадзе, специалисты японского языка. А. Долин был литературоведом. Впоследствии он издал отличную книгу по японской поэзии.

Они были городскими детьми, совсем не приспособленными к сельскохозяйственным работам. Но были добродушными и хорошими людьми. Не знаю почему, но Юрий Кунадзе сблизился со мной. Время от времени Юра у меня расспрашивал про Казахстан. Другие так не поступали.

Однажды я спросил у него:

– Юра, ты меня расспрашиваешь о казахском народе, его истории, литературе и культуре. У тебя есть какое-то родство?

Задумавшись на мгновение, ответил:

– Да, есть.

Я решил уточнить.

– Каким образом?

– Моя жена наполовину казашка. А тесть – чистый казах.

– А теща?

– Она не казашка.

– Как зовут тестя? Может быть, я знаю его.

– Нуртас Ондасынов. В свое время он был одним из руководителей в Казахстане.

– Да, его имя на слуху.

Так Юра Кунадзе неожиданно оказался зятем казаха. Вот такая была история. И я, и Юрий Кунадзе окончили аспирантуру и разъехались по домам.

Спустя годы Казахстан обрел независимость, стал суверенным государством. Юру пригласили на работу в Министерство иностранных дел России.

При Б. Н. Ельцине министром иностранных дел России был А. В. Козырев. Однажды в одной из российских газет я прочитал, что Юра Кунадзе назначен заместителем А. В. Козырева. Затем от одного московского знакомого узнал, что Юра стал послом России в Японии.

С Н. Ондасыновым я встретился в Алматы. Однажды видный государственный деятель Узбекали Жанибеков позвонил мне и предложил встретиться. Мы вместе пришли в резиденцию Совета министров Казахской ССР на перекрестке нынешних улиц Н. Назарбаева и Абая. По дороге он рассказал про Н. Ондасынова, проживающего в Москве и работающего последние годы над созданием арабско-казахского толкового словаря. Об этом я тоже был наслышан.

Как-то ко мне обратились с просьбой от имени редакции газеты «Лениншіл жас» написать статью о толковых словарях. После завершения составления «Арабско-казахского толкового словаря» Н. Ондасынову при сдаче рукописи в издательство посоветовали «обратиться сначала в Госкомитет КазССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и получить от них разрешение». Когда он обратился в указанное ведомство, они предъявили ему написанную мной

критическую статью о словарях. Н. Ондасынов связывается с У. Жанибековым, своим давним знакомым, который говорит, что знаком с автором статьи и обещает познакомить нас. Вот так мы и встретились с Н. Ондасыновым в резиденции.

Он сказал, что не является специалистом по арабскому языку, но у него есть образование, полученное в детстве от муллы. Будучи на пенсии, счел, что может оказаться полезным, составив толковый словарь. Попросил просмотреть его рукописи и внести исправления, если потребуется.

Словарь состоял из 2000 страниц. Н. Ондасынов сказал: «В Алматы буду только с неделю. Не получается дольше пожить в гостинице. Если просмотрите рукопись, то могу сдать в издательство». У него не только волосы – седыми были даже ресницы. Если соглашаться, то только из уважения, так как, чтобы внести исправления на двух тысячах страниц, мне понадобится несколько месяцев, а может быть, и полгода. Поэтому, уведомив, что не смогу выполнить его просьбу срочно, извинился.

Я думал, что на обратном пути Узбекали Жанибеков начнет возмущаться, высказывать свою обиду, но, видимо, мои доводы были уместными, и он ничего не сказал.

Спустя несколько лет около ста страниц той рукописи еле-еле напечатало издательство «Рауан». Почему еле-еле? Потому, что у издательства отсутствовали печатные машинки для набора словарей по языкам восточных стран (писали от руки, делали снимки).

И это все, что я запомнил об Н. Д. Ондасынове, его зяте и коллеге – Юрии Кунадзе.

ШАКИР ИБРАЕВ

После меня в аспирантуре Института востоковедения под научным руководством профессора МГУ имени М. В. Ломоносова, известного ученого Х. Г. Короглы учился Шакир Ибраев, впоследствии ученый-тюрколог, профессор, который стал автором серьезных научных исследований. Зарекомендовав себя хорошим ученым-тюркологом, он с честью занимал такие ответственные должности, как преподаватель КазНУ имени аль-Фараби, вице-президент Международного казахско-турецкого университета имени Ходжа Ахмеда Йасави в Туркестане, директор Института тюркологии, ректор Кокшетауского университета имени Ч. Валиханова, первый президент Тюркской академии. Ныне он – профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева.

27 октября 2007 года, по случаю 80-летия со дня рождения известного казахского писателя Естая Мырзахметова, по его приглашению я поехал в Кокшетау. Из Алматы поездом приехали его земляк, профессор Турсынбек Какишев и известный писатель Азильхан Нуршаихов. Юбилей прошел в областном театре. Принимал участие в данном мероприятии и Шакир Ибраев, ректор Кокшетауского университета, назначенный в марте месяце того же года. Я, поздравляя юбиляра Е. Мырзахметова, также поздравил и Шакира, попросил присутствующих относиться к нему как известному ученому и хорошему руководителю, так как он достоин этого.

Поддержал меня и Т. Какишев, рассказав о совместной с Шакиром Ибраевым работе на одной кафедре в КазГУ имени аль-Фараби и о давнем с ним знакомстве. В адрес Шакира было сказано множество теплых слов.

* * *

Как было сказано ранее, 26–30 октября 2018 года в Москве прошло торжественное собрание, посвященное 200-летию со дня создания Института востоковедения РАН. 27–30 октября в «Конгресс-парк отеле Волыньское» состоялась Международная конференция «Ислам в современном мире: вероучение и община». Она прошла под руководством академика Академии наук России, бывшего директора, а ныне научного руководителя Института востоковедения РАН – В. В. Наумкина.

Мне было предоставлено слово. В своей поздравительной речи я упомянул, что обучался на дневных отделениях аспирантуры и докторантуры института, что в его стенах защитил кандидатскую и докторскую диссертации, счастлив, что обучался и внял советам великих ученых-востоковедов Б. Гафурова, Е. Примакова, Е. П. Чельшева, Ю. Н. Завадовского, Г. Ш. Шарбатова, Н. В. Стеблевой, С. В. Прожогиной и др.

На следующий день на секционном заседании я сделал доклад. Профессор Казанского университета Айдар Хабутдинов, модератор, возвысил меня, рассказал о том, что я в течение 13 лет был Верховным муфтием Республики Казахстан, что я видный ученый, и произнес много других теплых слов.

Московский Институт востоковедения РАН и его выдающиеся ученые проявляли особое отношение к подготовке казахстанских востоковедов. Со времени моей учебы в аспирантуре и докторантуре прошло немало времени, и я могу с полной уверенностью говорить об огромном вкладе московских востоковедов в когда-то молодых ученых, ныне посевших мужей и известных специалистов, достигших вершин своего расцвета.

Есть мудрость казахского народа: «Похвали хорошего человека за его доброту – и возрадуется он душой». Ко всему прочему, некоторые и даже большая часть московских ученых ушли в иной мир. Сейчас их нет среди нас. Но все казахстанские выпускники московского Института востоковедения РАН с честью служат во благо своей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Институт востоковедения РАН. Прошлое и настоящее. К 200-летию основания. Москва, 2018.
2. Китаб уафайат аль-агйан уа анба абна аз-заман ли-Аби-л Аббас Шамс ад-дин Ахмад бин Мухаммад бин Аби Бакр бин Халликан. 5 т. Бейрут.
3. Әл-Фараби. Әлеуметтік-этикалық трактаттар. Алматы, 1975.
4. Гафуров Б. Г., Касымжанов А. Х. Аль-Фараби в истории культуры. Москва, 1975.
5. Гафуров Б. Г. Абу Наср аль-Фараби и его время // Вестник АН СССР. 1975. № 8.

